

© 2023. С. С. Бытко

Нижевартовский государственный университет
г. Нижевартовск, Россия

Старообрядческая книжная культура в романе П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» (к 140-летию со дня смерти писателя)

Аннотация: В статье рассматриваются особенности восприятия П. И. Мельниковым-Печерским книжной традиции заволжских старообрядцев. Устанавливаются источники формирования представлений писателя о роли книжности в повседневной жизни «раскольников»: с церковной книжностью автор «В лесах» познакомился во время исполнения обязанностей чиновника и служебных командировок. Выясняются подробности описания Мельниковым читательской культуры староверов, а также основных путей распространения книжности в среде «ревнителю древлего благочестия». Рассматриваются факторы, определявшие, по мнению писателя, популярность того или иного сочинения в среде «раскольников». Исследуется восприятие Мельниковым значения скитов в деле сохранения древнерусского кириллического наследия, роли начетчиков в организации религиозно-бытовой жизни старообрядческих общин. Анализируется обнаруженное писателем влияние распространения гражданской печати и светского образования на процесс обмирщения старообрядческого сообщества. Делается вывод о неоднозначном отношении Мельникова к книжным традициям «старолюбцев». Так, автор указывает на крайний фанатизм некоторых полемических старообрядческих сочинений, деструктивно влияющих на сознание своих читателей, призывающих удаляться от прогресса и ненавидеть всё окружающее.

Ключевые слова: П. И. Мельников-Печерский, древнерусская книжность, староверие, книгопечатание, старообрядцы, рукописи, начетчик, старопечатные издания.

Информация об авторе: Сергей Станиславович Бытко, аспирант, Нижевартовский государственный университет, ул. Мира, д. 36, 628616 г. Нижевартовск, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0642-6363>

E-mail: labarum92@rambler.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 27.12.2022

Дата одобрения статьи рецензентами: 11.02.2023

Дата публикации статьи: 25.03.2023

Для цитирования: Бытко С. С. Старообрядческая книжная культура в романе П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» (к 140-летию со дня смерти писателя) // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 1. С. 84–101. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-1-84-101>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 5, no. 1, 2023, pp. 84–101. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 5, no. 1, 2023, pp. 84–101. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2023. **Sergey S. Bytko**

Nizhnevartovsk State University
Nizhnevartovsk, Russia

Old Believer's Book Culture in P. I. Melnikov-Pechersky's Novel "In the Woods" (To the 140th Anniversary of the Writer's Death)

Abstract: The article examines the peculiarities of P. I. Melnikov-Pechersky's perception of the Volga Old Believers' book tradition. In particular, it establishes the sources of the formation of the writer's ideas about the role of bookishness in the daily life of "dissenters." The author of "In the Woods" acquired a deep acquaintance with church literature during the performance of his official duties and numerous business trips. The article clarifies curious details of Melnikov's description of the reading culture of the Old Believers, as well as the main ways of spreading bookishness among the "zealots of ancient piety." The writer demonstrated his own view on factors that determined the popularity of a particular work among "dissenters." The article examines Melnikov-Pechersky's perception of the significance of the monasteries in the preservation of the Old Russian Cyrillic heritage, as well as the role of the scribes in the organization of the religious and everyday life of the Old Believers communities. The author analyzes the influence of the spread of the civil press and secular education on the processes of gradual secularization of the Old Believers community. Summing up the results, it can be concluded that Melnikov had very ambiguous attitude to the book traditions of the "old time lovers." Thus, the author points to the extreme fanaticism of some polemical Old Believers' writings, which destructively affect the consciousness of their readers, calling for moving away from progress and hating everything around them.

Keywords: P. I. Melnikov-Pechersky, Old Russian literature, Old Belief, printing, Old Believers, manuscripts, reader, old printed editions.

Information about the author: Sergey S. Bytko, PhD student, Nizhnevartovsk State University, Mira 3b, 628616 Nizhnevartovsk, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0642-6363>

E-mail: labarum92@rambler.ru

Received: December 27, 2022

Approved after reviewing: February 11, 2023

Published: March 25, 2023

For citation: Bytko, S. S. "Old Believer's Book Culture in P. I. Melnikov-Pechersky's Novel 'In the Woods' (To the 140th Anniversary of the Writer's Death)." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 5, no. 1, 2023, pp. 84–101. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-1-84-101>

Царствование Николая I стало для старообрядцев временем тяжелых испытаний и притеснений со стороны как светских, так и церковных властей. Государственная политика 1840–1850-х гг. в отношении «неофициального» православия как нельзя лучше отражается в творчестве видного писателя и консерватора той эпохи П. И. Мельникова-Печерского. В силу того, что для произведений Мельникова староверие являлось основополагающей составляющей, посредством которой писатель раскрывал свои нравственные и общественно-политические воззрения, почти каждый исследователь в ходе изучения наследия писателя прямо или косвенно обращается к старообрядчеству. Так, проблематике «раскола» в трудах Мельникова-Печерского уделяли внимание Л. М. Лотман, С. С. Царегородцева, М. В. Шалденкова, Д. Е. Митрофанов, Ф. А. Селезнев и др. [Лотман; Царегородцева; Шалденкова; Митрофанов; Селезнев]. Обстоятельные исследования данной проблематики, результаты которых нашли отражение в защищенных диссертациях, были выполнены В. В. Боченковым и Л. В. Алексеевой [Боченков 2005; Алексеева 2015].

Современные археографические и палеографические исследования дают нам богатый материал относительно специфики возникновения, а также распространения кириллических книжных памятников в XVIII–XIX вв. Однако нетривиальным остается вопрос относительно особенностей бытования печатных книг в старообрядческой среде, культуры обращения с рукописями, практик хранения и использования староверами духовной литературы. Столь же любопытным представляется выяснение особенностей распространения грамотности среди староверов и подготовки ими знатоков кириллической книжности. Немногочисленность письменных свидетельств современников, способных пролить свет на данные проблемы, а также ангажированность и тенденциозность части этих сообщений существенно затрудняют процесс исследования.

Ценным источником для изучения названных вопросов является творческое наследие Мельникова-Печерского, продемонстрировавшего в третьей четверти XIX в. широкой публике неоднозначный, но яркий и весьма незаурядный мир русского староверия. Обладая глубокими познаниями как в области мировоззрения старообрядцев, так и их бытовой жизни, писатель смог обогатить сюжеты своих произведений множеством ценных этнографических наблюдений, способных прояснить ряд спорных вопросов функционирования книжной культуры «раскольников». Кроме того, рассмотрение читательских интересов староверов через призму творчества Мельникова-Печерского позволит более детально выяснить особенности поэтики писателя и используемого им художественного метода.

Писатель высоко оценивал заслуги старообрядческих «старинщиков», занимавшихся сбором и сохранением предметов древнерусской культуры. Будучи в Заволжье, Мельников еще до поступления на службу приобрел богатый опыт общения со староверами. В частности, ему удалось свести знакомство с «раскольниками», торговавшими старопечатными книгами на Нижегородской ярмарке [Лотман: 204; Селезнев: 19–20]. Так, при содействии директора ярмарки Д. Н. Толстого, также бывшего увлеченным знатоком старинной книжности, Мельников вошел в доверие к купцам-староверам Д. В. Пискареву и Т. Ф. Большакову, владевшим значительными собраниями рукописей. Эти купцы занимались розничной скупкой книг в провинции, транспортировкой их в Москву и оптовой продажей столичным «раскольникам», музеям и коллекционерам [Мельников-Печерский 1: 88].

Известно также, что книжные редкости Мельников зачастую доставал через волжских купцов Судовщикова и Головастикова. В силу ограниченных финансовых возможностей, покупка старинных рукописей зачастую представлялась писателю непозволительной роскошью. Однако А. С. Головастиков безвозмездно предоставлял писателю книги на срок, необходимый для их досконального изучения. Позднее Мельников познакомился с видным собирателем старины М. П. Погодиным и даже занимался по его просьбе поиском на Нижегородской ярмарке редких книжных памятников для погодинского древлехранилища [Аннинский: 144; Мельников-Печерский 1: 88–89, 118].

В период работы Мельникова в Археографической комиссии (с 1841 г.) ему было позволено посетить скиты, закрытые для боль-

шинства мирских обывателей, и провести описание хранившихся там книжных редкостей [Мельников-Печерский 1: 80]. Пребывая в Косшелевском скиту, писатель углублял свои знания о старообрядческой книжной культуре, завязал знакомство с грамотеями и начетчиками, а уже к концу того же десятилетия стал одним из крупнейших знатоков староверия в стране [Алексеева 2014: 74].

Весьма примечательной в данном отношении представляется изображенная Мельниковым в рассказе «Старые годы» фигура Данилы Борисыча. Характеристика персонажа, вероятно, была вдохновлена личными переживаниями писателя от знакомства с духовной культурой русского простонародья. В частности, имея дворянское происхождение, Данила Борисыч так сближается с крестьянством, что начинает проводить с мужиками свой досуг, записывать характерные образцы устной народной культуры, заниматься скупкой старинных книг и икон. Будто бы в насмешку над своей неукротимой страстью к древностям Мельников сообщает, что, едва узнав о том, что где-то есть ценная книга, князь Данила Борисыч тут же отправлялся на переговоры о ее приобретении, не считаясь с любыми другими значимыми делами [Мельников-Печерский 2: 102].

Исследователями установлено, что Мельникову были известны такие выдающиеся памятники старообрядческой книжности, как Виноград российский, История об отцах и страдальцах соловецких, Пятая соловецкая челобитная, Поморские ответы и Дьяконовы ответы [Боченков 2008: 80, 271]. Роман «В лесах» изобилует многочисленными упоминаниями общецерковной литературы, а также произведений, имевших хождение преимущественно в среде «ревнителю древлего благочестия». В общей сложности Мельников указывает более тридцати книг богослужебной, полемической, аскетической, апокрифической и нравоучительной направленности: Апостол, Добролюбие, Златоструй, Златоуст, Кириллова книга, Китежский летописец, Книга о вере, Кормчая книга, Лествица, Максим Грек, Маргарит, Минея, Повесть о Варлааме и Иоасафе, Поучения Аввы Дорофея, Пролог (Синаксарь), Псалтырь, Святцы (Месяцеслов), Скитское покаяние, Службное Евангелие, Старчество, Степенная книга, Стоглав, Страсти Христовы, Требник, Устав о христианском житии, Часослов, а также разнообразные жития, каноники, патерики, сборники, синодики, хронографы и цветники.

Помимо перечисления базовых книг из повседневного круга чтения старообрядцев, Мельников оставил любопытные замечания о специфике использования названной литературы. Так, к Поучениям Аввы Дорофея, Скитскому покаянию и Добролюбию старoverы обращались в целях отведения любовного наваждения и смирения плотских страстей. Кормчая книга употреблялась при решении административных вопросов внутри согласия. Устав о христианском житии и Стоглав использовались для регламентации повседневных бытовых процессов: сна, начала и окончания трапезы, труда, отдыха [Мельников-Печерский 3: 220, 339].

Стремление старообрядцев строжайше согласовать свои повседневные практики со святоотеческими сочинениями не раз становилось объектом едкой сатиры со стороны Мельникова. Так, с видимой насмешкой писатель повествует о яростных спорах «раскольников» относительно допустимости употребления в пищу раков, улиток и черепашек, а также их бесконечных прениях о всевозможных трактовках встречающегося в Уставе понятия «черепокочие». Столь же язвительно Мельников отзывается о безуспешных попытках Манефы обнаружить в книгах ответ на вопрос о том, допустимо ли епископу священнодействовать в шитом синелью облачении [Мельников-Печерский 3: 63, 286].

В старообрядческом мире книга сопровождала человека на всех важнейших этапах его жизни (крещение, обучение, венчание, болезнь, отпевание) и становилась неотъемлемым повседневным атрибутом. Душеполезное чтение исполняло компенсаторную функцию, помогая христианину обрести душевный покой, заручиться духовной поддержкой и справиться с горестными воспоминаниями [Мельников-Печерский 3: 38, 182]. Чтение могло выступать способом проведения досуга. Особенно актуальным это становилось в тоскливую зимнюю пору. В других случаях книжность становилась элементом подросткового увеселения. Обратим внимание на сообщение Мельникова о том, что, пребывая под строгим надзором стариц, белицы в скитах развлекались составлением сборников стихов в тонких тетрадках, где наряду с духовными произведениями встречались и мирские сочинения любовного характера [Мельников-Печерский 4: 235, 304, 308].

Нередко именно книги нравоучительной тематики наряду с родительскими наставлениями становились одним из главных средств

воспитания подрастающего поколения, а прозелитическая активность вынуждала староверов прибегать к помощи полемических сочинений, позволявших наиболее эффективно отстаивать свои вероисповедные принципы в межконфессиональных диспутах [Бытко: 74]. В свою очередь, хронографы, жития и поучения святых отцов служили для старообрядцев источником нравственных ориентиров, примером преодоления тяжелых жизненных испытаний [Мельников-Печерский 5: 21, 348].

Весьма любопытной в данном отношении представляется сцена, где Манефа испрашивает у игуменьи Екатерины дозволения принять в обитель пятилетнюю девочку Фленушку. Меткое замечание Екатерины о том, что именно пять лет назад Манефа поселилась в скитах, а также смущение Манефы от последовавшей за этим улыбки игуменьи сообщают читателю, что Екатерина догадалась о родственной связи черницы с девочкой. Примечательно, что в момент разговора игуменья сидела за Кирилловой книгой [Мельников-Печерский 3: 235]. Вероятно, столь крупный знаток церковной книжности, как Мельников, добавил данную деталь не случайно. Так, Кириллова книга, имевшая самое широкое хождение в среде «старозаветных людей» и пользовавшаяся их глубоким почитанием, кроме обширной полемической составляющей, содержала ряд текстов нравоучительного характера. В частности, в ней обнаруживается следующее наставление: «Имеешь ли чадо по плоти, наставь его; и если родил кого оглашением, предостереги и сего, чтобы ложного не принял он за истинное» [Творения иже во святых... 1855: 262]. Следует полагать, что именно под влиянием данного фрагмента сборника мать Екатерина благодушно позволяет оставить девочку в обители на воспитание Манефы.

Некоторое внимание писатель уделяет влиянию книжной культуры на лексические особенности разговорной речи «старолюбцев». Так, описывая Корнилу Егорыча в рассказе «Красильниковы», писатель замечает, что герой повествования ничего в своей жизни не читал, кроме Московских ведомостей, Четых Миней и Псалтыря, «а говорил, ровно книга». Значительное влияние сакральных текстов на формирование речевого своеобразия староверов подчеркивается и в ряде современных научных публикаций [Толстова: 65].

Некоторое внимание в своих произведениях Мельников уделял старообрядческим представлениям о ценности тех или иных книг. Так, пи-

сатель называет ряд причин, определявших для староверов большую или меньшую значимость конкретного литературного памятника. Писатель указывает на то, что особым почтением в старообрядческой среде пользовались старопечатные издания XVI–XVII вв., появившиеся до начала Никоном «книжной справы» [Мельников-Печерский 4: 216, 306]. Так, опасаясь грядущего разорения обители светскими властями, настоятельница Манефа собиралась отправить на хранение в Москву, помимо икон, крестов и мощей, три-четыре десятка «книг харатейных¹ и старопечатных». В результате в столицу были переданы первопечатный Апостол Ивана Федорова 1564 г., изданный в 1595 г. в Острожской типографии Маргарит, а также Требник, отпечатанный на Московском печатном дворе при патриархе Филарете [Мельников-Печерский 5: 29, 232] (согласно А. А. Андрееву, Мельников мог назвать одну из книг, датируемых 1623, 1624, 1625 и 1633 гг.) [Андреев: 68].

Говоря о печатных книгах, Мельников также указывает на трепетное отношение «старолюбцев» к кириллическим изданиям, выполненным западнорусскими типографиями в период «первой волны» старообрядческого книгопечатания (рубеж XVIII–XIX вв.). Особым расположением пользовалась продукция Почаевской типографии. Данный факт объяснялся писателем тем, что отпечатанные в униатских монастырях книги «буква в букву» повторяли дореформенные издания времен патриарха Иосифа [Мельников-Печерский 6: 193].

Столь же высоким авторитетом у староверов пользовались рукописи, созданные во второй половине XVII – начале XVIII вв. представителями первого и второго поколений старообрядческих вероучителей. Отдавая распоряжение о спасении книг, Манефа подчеркивает, что в первую очередь сберечь необходимо именно старописьменные реликвии обители [Мельников-Печерский 6: 192–193]. Рассматривая вопросы взаимодействия рукописной традиции староверов с их полемической практикой, Мельников-Печерский отмечает, что наибольшим авторитетом во внутриконфессиональных дискуссиях пользовались автографы известных в старообрядческой среде старцев: «...а рука в них святителя Филиппа». Вместе с тем, заметное недоверие «ревнители старины» питали к произведениям, принадлежавшим руке «неизвестных писателей» [Мельников-Печерский 6: 168, 172].

---

¹ Рукописных книг, выполненных на пергаменте.

Весьма интересны замечания Мельникова относительно восприятия «раскольниками» литературных редкостей. Согласно писателю, обнаруживаемые книжные «диковины» становились объектом необыкновенного интереса «людей древлего благочестия». Несмотря на то, что новообнаруженные сочинения зачастую подвергались суровой критике со стороны начетчиков, рядовые представители староверия, вынужденные мириться с некоторым однообразием доступной им духовной литературы, «жадно слушали» чтение и пересказы любой незнакомой дотоле книги [Мельников-Печерский 6: 32]. Напротив, книги, имевшие чрезвычайно широкое хождение, как видно из романа, не представляли для «староверцев» столь же высокой ценности. Так, при «эвакуации» обительских «сокровищ» Манефа дает указание оставить в скитах Псалтыри и Часовники¹. Как показывает анализ каталогов кириллической книжности, обе указанные книги получили самое широкое распространение в среде староверов и несравненно чаще остальных перепечатывались старообрядческими типографиями [Емельянова: 615–616, 618–619].

Мельников подчеркивает, что русский народ в вероисповедных вопросах крайне «привержен к букве», а всякий углублявшийся в «древлее благочестие» был вынужден заниматься самообразованием и усердно постигать «книжную премудрость». Размеренная жизнь волжского простонародья позволяла не жалеть времени на освоение святоотеческого наследия. Ввиду этого чтение для рядовых староверов, а в особенности насельников обители, наряду с молитвой и трудами становилось одной из неукоснительных обязанностей. Утверждение людей в вере при этом требовало наличия обширных собраний кириллической книжности [Мельников-Печерский 5: 19, 260, 353].

Мельников-Печерский не оставляет без внимания некоторые аспекты старообрядческой культуры хранения книг. В частности, писатель упоминает, что сбережение «драгоценной старины» считалось одной из важнейших обязанностей «раскольничьих» обителей, для исполнения которой настоятели не жалели никаких денег. В кельях книги стремились хранить близ киотов с иконами, для чего использовались специальные книжные шкафы, а редчайшие и наиболее ценные памят-

---

¹ После некоторых раздумий игуменья всё же решает вывезти и эти книги, оставив в обители лишь издания Московской единоверческой типографии.

ники держали в специальных сундуках, доступ к которым строго контролировался скитскими уставщиками [Мельников-Печерский 4: 26, 28, 216, 306].

Именно степень начитанности того или иного старовера создавала первое впечатление о нем в глазах окружающих. Характеристику почти каждого героя своей дилогии писатель обыкновенно начинает с описания его заслуг на «книжном поприще». Многократно на страницах романа «В лесах» Мельников указывает на исключительное положение книжников в старообрядческой среде. Они находились иерархически гораздо выше простых грамотных староверов. Так, в начале романа Потап Максимыч проникается уважением к Алексею Лохматому лишь по той причине, что юноша слывет в народе книгоцеем [Мельников-Печерский 3: 40].

Примечательно, что хорошее знание Священного писания и число прочитанных книг для старовера означали не только богатый жизненный опыт и умудренность в религиозных вопросах, но также напрямую коррелировали с восприятием окружающими его нравственного облика [Мельников-Печерский 3: 230, 282]. Мельников сообщает, что поднаторевшие в «словопрениях» и книжном деле начетчики получали широкую известность в скитах как «ревнители древляго благочестия» и «крепкие алмазны старой веры». Мнение обладавшего такой репутацией «старолюбца» было на порядок авторитетнее доводов иных его единоверцев [Мельников-Печерский 3: 19, 235, 237].

Умение отстаивать вероисповедные принципы своего согласия в письменной полемике, а также способность составлять тексты в защиту старого обряда были чрезвычайно востребованы в среде «раскольников», что позволяло заручиться поддержкой видных представителей старообрядческого духовенства, свести знакомства с крупными капиталистами и существенно продвинуться по социальной лестнице. Так, Мельников обращает внимание на то, что почти все игумены старообрядческих обителей прежде поставления в сан успевали прославиться исключительной начитанностью. Это, по мнению писателя, становилось одной из главных причин их успешной церковной «карьеры» и утверждения в роли руководительниц монастырей [Мельников-Печерский 4: 20].

Особым авторитетом пользовались старцы и старицы, знавшие книги наизусть. Весьма показательна в данном отношении характери-

стика чернеца отца Иосифа: «Имея быстрый ум и острую память, как книга, знал старину...» [Мельников-Печерский 5: 201, 353]. Привычный облик книжника в произведениях Мельникова: пожилой человек, всю свою жизнь посвятивший изучению богодухновенных сочинений. Тем удивительнее представляются героям романа молодые начетчики, усвоившие книжную премудрость до появления на голове седых прядей [Мельников-Печерский 5: 205].

Мельников-Печерский многократно подчеркивает особый пietet, выказываемый провинциальными староверами по отношению к книжникам, прибывавшим из крупных старообрядческих центров. Так, московские начетчики зачастую виделись окружающим гораздо более авторитетными знатоками вероисповедных вопросов, нежели местные заволжские грамотеи [Мельников-Печерский 4: 244]. Писатель не преминул указать на факт противостояния книжной традиции москвичей с практиками бытования духовной литературы в Заволжье. Так, считая Китежский летописец подложным сочинением, москвич Василий Борисыч во всеуслышание заявляет, что приведенные там сведения не согласуются со старинными книгами, да и содержат ряд грубых исторических подтасовок. Результатом его речей становится ожесточенная перебранка с местными жителями, едва не закончившаяся для московского посланца побоями [Мельников-Печерский 6: 20–21, 42].

Мельников в своих произведениях неоднократно указывал на заметную рассогласованность низовой культуры малообразованного простонародья (базирувавшейся преимущественно на устной, мистической, околязыческой традиции) с мировоззрением старообрядческих грамотеев, исходивших из непреложного следования книжным авторитетам [Мельников-Печерский 5: 256]. Однако описанный ранее конфликт едва ли возможно объяснить лишь разным уровнем образования его участников, поскольку столь же неодобрительно о чрезмерно суровом отношении Василия Борисыча к Китежскому летописцу высказались и весьма начитанные скитские матери, прежде чрезвычайно ценившие мнение московского начетчика по вопросам церковной книжности.

Сам же Мельников, однако, весьма скептически относился к обыкновению староверов связывать начитанность человека с его нравственным обликом: «Один книжен и начитан <...>, да утроба ненасыт-

ная, за хорошие деньги не токмо церковь, самого Христа продаст...» [Мельников-Печерский 5: 240]. Заметим, что процитированные строки как нельзя лучше характеризуют Алексея Лохматого, представшего читателю в начале романа скромным и усердным в чтении юношей, однако к концу произведения претерпевшим кардинальное нравственное перерождение. В том же контексте писатель упоминает книгочея и распутника Якима, которого не подпускали к скитам из опасения, что парень прельстит живущих в обители белиц [Мельников-Печерский 3: 227].

Совершенно иначе писатель изображает мать Павлину, которая, по словам писателя, «не книжная была, но рассудливая, споры и вражду умиряла» [Мельников-Печерский 6: 148]. По мнению Мельникова, настаивавшего на необходимости достижения согласия между старообрядчеством и господствующей иерархией, именно старoverы подобного ментального склада (способные к продуктивному диалогу с носителями иных мнений) обладают подлинной праведностью и стоят нравственно несравненно выше «книжных», но ослепленных вероисповедной злобой «раскольников».

Причины радикализации старообрядческого сообщества Мельников усматривал, в том числе, в разлагающем влиянии на сознание «раскольников» их догматических сочинений. В повести «Гриша» писатель сурово обличает крайний фундаментализм старообрядческой литературы, воспитывающей в своих читателях злобу и нетерпимость. По словам писателя, именно книги и разговоры с келейниками распалили в главном герое ненависть ко всем, кого он считал «слугами антихриста». Примечательно, что говоря о погружении Гриши в религиозную литературу, Мельников употребляет негативно окрашенный глагол «начитался», стремясь отчетливо продемонстрировать свое отношение к полемическим сочинениям старoverов. Со временем чтение сборников и цветников приводит Гришу в состояние крайней экзальтации. Юноша мечтает разорвать все связи с «никонианским» миром и спастись в лесных дебрях [Мельников-Печерский 2: 323, 338–339].

Некоторые современные ученые склоняются к мнению, что на рубеже 1850–1860-х гг. Мельников-Печерский пришел к выводу о безвредности «раскола» для общества и государственных институтов, а его риторика в отношении «старолюбцев» была значительно смягчена [Алексеева 2015: 10]. Тем не менее, даже в поздний период творче-

ства (1870–1880-х гг.) писатель продолжал настаивать на деструктивности некоторых образцов старообрядческой книжной культуры. Его возмущение вызывала категоричность староверов, отказывавшихся принимать любые новшества, не согласующиеся с древними книгами. Столь же негативно виделось ему «буквоедство» начетчиков, доводивших до абсурда отношение к духовным текстам, воспрещая прерывать или малейшим образом изменять порядок их чтения [Мельников-Печерский 6: 23, 80].

Примечательно, что виновными в ожесточении и догматизации последователей Аввакума Мельников считал византийцев, «мертвящими буквами своих писаний» навевших на русское общество тлетворных дух религиозной ненависти [Мельников-Печерский 3: 383]. Недовольство фетишизацией старообрядцами духовных сочинений писатель облакает в речи Потапа Чапурина, критикующего вероисповедные книги и допускающего присутствие «путаницы» в святоотеческих текстах. В ответ на возмущение Василия Борисыча, непреложно чтущего авторитет писаний, Потап Максимыч уточняет, что иронизирует не над книгами, а лишь над написавшими их старцами. Сомнение относительно безошибочности старинных книг выражает и герой рассказа «Красильниковы» Корнила Егорыч: «Мало ль что пишут да печатают! <...> Перо скрипит, бумага молчит, да всё терпит» [Мельников-Печерский 2: 9].

Восприятие старообрядцами светской литературы занимает немаловажное место в сочинениях Мельникова-Печерского. В частности, писателю думалось, что именно признание гражданской печати являлось одной из важных предпосылок сближения «раскольников» с инославным окружением. Поэтому лояльное отношение того или иного персонажа к гражданской публицистике в творчестве писателя зачастую ассоциируется с преодолением церковной разобщенности. Резкое же неприятие светских книг представляется Павлу Ивановичу олицетворением косности и губительной реакционности.

Примером этого являются слова Аксиньи Захаровны, подвергающей ожесточенной критике чтение возбраняемых старообрядческой традицией сочинений. В частности, старообрядка приводит предание о святом Кириаке, в келью которого отказалась войти Богородица из-за наличия там еретической книжицы. Однако Мельниковым-Печерским также демонстрируются и противоположные тенденции, на-

блюдавшиеся в интеллектуальной жизни староверов. Так, Василий Борисыч, называемый Мельниковым «великим начетчиком», при всей своей привязанности к святоотеческому наследию не брезговал и современными книгами, что, на взгляд Мельникова, должно было явно положительно характеризовать данного литературного героя [Мельников-Печерский 4: 178]. Примечательно, что Василий Борисыч впоследствии, вопреки установленным порядкам, возьмет в жены дочь Потапа Чапурина, выкрав ее из скита и обвенчавшись в «никонианской» церкви. Посредством такого сюжетного решения писатель стремился продемонстрировать надлом вероисповедных барьеров в российском обществе и посеять надежду на возможность сближения с официальной церковью даже упорных в своей доктрине старообрядческих книжников.

Любопытно, что забвение традиций обращения с церковными книгами, равно как и проникновение в старообрядческую повседневность светской литературы, рассматривались Мельниковым в качестве одного из факторов обмирщения сообщества староверов. Так, молодой купец Самоквасов в разговоре с матерью Таисией демонстрирует весьма нехарактерное для «раскольника» поведение. Догадавшись о замысле черницы обратиться к толстому старинному фолианту и «испугавшись <...> немалой книги», купчик намеревается скорее завершить разговор, не желая углубляться в чтение богодухновенного текста [Мельников-Печерский 6: 81].

Отчетливее данная проблема показана Мельниковым на примере Алексея Лохматого, наряду с божественными книгами читавшего и светские произведения. Примечательно, что писатель также делает акцент на любви Алексея к деньгам [Мельников-Печерский 3: 33]. Следует полагать, что одобрительное отношение к гражданской печати прочно коррелировало в сознании Мельникова с ослаблением традиций старообрядческого благочестия и утратой вероисповедной идентичности молодым поколением староверов. Данная культурная тенденция не вызывала положительного отклика в позднем творчестве писателя. Радея о возрождении веры в сердцах людей, Мельников стремился продемонстрировать русскому народу примеры высокой нравственности и подлинного богообщения, утраченные светским обществом, однако бережно хранимые «раскольниками» в заволжских лесах [Андреева 2016: 197]. Напомним, что именно обмирщившиеся

до степени утраты религиозного самосознания персонажи (Карп Морковкин, Алексей Лохматый) выступали явными антагонистами в диалогии писателя.

В процессе данного исследования удалось выявить некоторые любопытные аспекты восприятия Мельниковым-Печерским книжной культуры волжских «старолюбцев». Старообрядческая книжная традиция занимала существенное место в творчестве писателя. Посредством обращения к печатному и рукописному наследию «ревнителей древнего благочестия» он раскрывал характеры своих героев, объяснял мотивы их поведения, иллюстрировал происходившие в обществе культурные трансформации. Пристальное знакомство со старообрядческой книжностью оказало значительное влияние не только на художественный метод Мельникова, но и на его собственную ментальность, предопределив творческие интересы литератора.

Список литературы Источники

Мельников-Печерский П. И. Полное собрание сочинений: в 14 т. М.; СПб.: Изд-во тов-ва М. О. Вольф, 1897–1898.

Творения иже во святых отца нашего Кирилла, архиепископа Иерусалимского. М.: Тип. В. Готье, 1855. 398 с.

Исследования

Алексеева Л. В. Патриархальный мир русского старообрядчества в изображении П.И. Мельникова-Печерского (на материале романа «В лесах») // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2014. № 1. С. 74–77.

Алексеева Л. В. Русское старообрядчество в изображении П. И. Мельникова-Печерского (историко-культурный и художественный аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2015. 24 с.

Андреев А. А. Печатные издания Служебника и Требника в Москве в первой половине XVII в.: вопросы состава // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2021. № 35. С. 66–115.

Андреева В. Г. О национальной своеобразии русского романа второй половины XIX века. Кострома: Изд-во КГУ, 2016. 492 с.

Аннинский А. А. Три еретика. М.: Книга, 1988. 352 с.

Боченков В. В. П. И. Мельников (Андрей Печерский): Мировоззрение, творчество, старообрядчество. Ржев: Маргарит, 2008. 348 с.

Боченков В. В. Творчество П. И. Мельникова-Печерского и изображение старообрядчества в русской литературе XIX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 16 с.

Бытко С. С. Полемическая культура староверов и структура рукописного сборника конца XIX в.: особенности взаимодействия // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 428. С. 72–77. <https://doi.org/10.17223/15617793/428/9>

Емельянова Е. А. Старообрядческие издания кирилловского шрифта конца XVIII – начала XIX века: каталог. М.: Пашков дом, 2010. 640 с.

Лотман Л. М. Мельников-Печерский // История русской литературы: в 10 т. М.; Л.: Акад. наук СССР, 1956. Т. IX. Ч. 2. С. 198–227.

Митрофанов Д. Е. Тема старообрядчества в дилогии П.И. Мельникова-Печерского «В лесах», «На горах» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2016. Т. 18. № 2 (2). С. 191–194.

Селезнев Ф. А. П. И. Мельников и старообрядцы // Нижегородский краевед. Нижний Новгород: Центр краеведческих исследований ННГУ им. Лобачевского, 2018. Вып. 4. С. 19–41.

Толстова Г. А. О словаре старообрядческой языковой личности Агафьи Карповны Лыковой // Вопросы лексикографии. 2016. № 1 (9). С. 64–81. <https://doi.org/10.17223/22274200/9/5>

Царегородцева С. С. Старообрядчество в романах П. И. Мельникова-Печерского и Г. Д. Гребенщикова // Алтайский текст в русской культуре. Вып. 2. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 34–41.

Шалденкова М. В. Исследование церковного раскола в работах П. И. Мельникова // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2014. № 3 (87). С. 123–125.

References

Alekseeva, L. V. “Patriarkhal’nyi mir russkogo staroobriadchestva v izobrazhenii P. I. Mel’nikova-Pecherskogo (na materiale romana ‘V lesakh)” [“The Patriarchal World of the Russian Old Believers in the Representation of P. I. Melnikov-Pechersky (Based on the Novel ‘In the Woods’)”]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, 2014, pp. 74–77. (In Russ.)

Alekseeva, L. V. *Russkoe staroobriadchestvo v izobrazhenii P. I. Mel’nikova-Pecherskogo (istoriko-kul’turnyi i khudozhestvennyi aspekty)* [Russian Old Believers in the Representation of P. I. Melnikov-Pechersky (Historical, Cultural and Artistic Aspects): PhD Thesis, Summary]. Vologda, 2015. 24 p. (In Russ.)

Andreev, A. A. “Pechatnye izdaniia Sluzhebника i Trebnika v Moskve v pervoi polovine XVII v.: voprosy sostava” [“Printed Editions of the Liturgion and Euchologion in Moscow in the First Half of the 17th Century: Composition Issues”]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii*, no. 35, 2021, pp. 66–115. (In Russ.)

Andreeva, V. G. *O natsional’nom svoebrazii russkogo romana vtoroi poloviny XIX veka* [On the National Identity of the Russian Novel of the Second Half of the 19th Century]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2016. 492 p. (In Russ.)

Anninskii, A. A. *Tri eretika* [Three Heretics]. Moscow, Kniga Publ., 1988. 352 p. (In Russ.)

Bochenkov, V. V. *P. I. Mel’nikov (Andrei Pecherskii): Mirovozzrenie, tvorchestvo, staroobriadchestvo* [Melnikov (Andrey Pechersky): Worldview, Creativity, Old Believers]. Rzhnev, Margarit Publ., 2008. 348 p. (In Russ.)

Bochenkov, V. V. *Tvorchestvo P. I. Mel’nikova-Pecherskogo i izobrazhenie staroobriadchestva v russkoi literature XIX v.* [The Creativity of P. I. Melnikov-Pechersky and the Representation of the Old Believers in Russian Literature of the 19th Century: PhD Thesis, Summary]. Moscow, 2005. 16 p. (In Russ.)

Bytko, S. S. “Polemicheskaiia kul’tura staroverov i struktura rukopisnogo sbornika kontsa XIX v.: osobennosti vzaimodeistviia” [“Polemical Culture of the Old Believers and the Structure of the Manuscript Collection of the late 19th Century: Features of Interaction”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 428, 2018, pp. 72–77. <https://doi.org/10.17223/15617793/428/9> (In Russ.)

Emel’ianova, E. A. *Staroobriadcheskie izdaniia kirillovskogo shrifta kontsa XVIII – nachala XIX veka: katalog* [Old Believer Cyrillic Editions of the Late 18th – Early 19th Century: Catalogue]. Moscow, Pashkov dom Publ., 2010. 640 p. (In Russ.)

Lotman, L. M. “Mel’nikov-Pecherskii” [“Melnikov-Pechersky”]. *Istoriia russkoi literatury: v 10 t.* [*History of Russian Literature: in 10 vols.*], vol. 9, part 2. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1956, pp. 198–227. (In Russ.)

Mitrofanov, D. E. “Тема старообрядчества в дилогии П. И. Мельникова-Печерского ‘V lesakh,’ ‘Na gorakh.’” [“The Theme of Old Believers in the P. I. Melnikov-Pechersky Dilogy ‘In the Woods,’ ‘On the Mountains.’”]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial’nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*, vol. 18, no. 2 (2), 2016, pp. 191–194. (In Russ.)

Seleznev, F. A. “Mel’nikov i staroobriadtsy” [“P. I. Melnikov and the Old Believers”]. *Nizhegorodskii kraeved* [*Nizhny Novgorod Local Historian*], issue 4. Nizhny Novgorod, Center for Local History Studies of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod Publ., 2018, pp. 19–41. (In Russ.)

Tolstova, G. A. “O slovare staroobriadcheskoi iazykovoï lichnosti Agaf’i Karpovny Lykovoï” [“About the Dictionary of the Old Believer Linguistic Personality Agafya Karpovna Lykova”]. *Voprosy leksikografii*, no. 1 (9), 2016, pp. 64–81. <https://doi.org/10.17223/22274200/9/5> (In Russ.)

Tsaregorodtseva, S. S. “Staroobriadchestvo v romanakh P. I. Mel’nikova-Pecherskogo i G. D. Grebenshchikova” [“Old Believers in the Novels of P. I. Melnikov-Pechersky and G. D. Grebenshchikov”]. *Altaiskii tekst v russkoi kul’ture* [*Altai Text in Russian Culture*], issue 2. Barnaul, Altai University Publ., 2004, pp. 34–41. (In Russ.)

Shaldenkova, M. V. “Issledovanie tserkovnogo raskola v rabotakh P. I. Mel’nikova” [“The Study of the Church Schism in the Works of P. I. Melnikov”]. *Izvestiia Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, no. 3 (87), 2014, pp. 123–125. (In Russ.)